

УДК 101. 1:316 (0720)

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР «СОЛЯРИСА»: ПОИСКИ ПОДЛИННОГО СЕБЯ И ДРУГОГО

Г.М. Кириллов

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза

В статье осуществлена попытка философского прочтения романа С. Лема «Солярис». При этом акцент сделан на феноменологическом подходе к анализу его содержания в русле проблематики Другого. В центре внимания автора феномен встречи с «иным» (разумом, мирами). Рассматриваются различные трактовки интерсубъективного взаимодействия фигур «Я» и «Другой», в том числе в феноменологии говорения М. Мерло-Понти и структурном психоанализе Ж. Лакана. В этом контексте поиски контактов с иными внеземными цивилизациями, их отражение в литературном жанре фантастики, как и в романе С. Лема, могут рассматриваться как попытка восполнения «не-достаточности» собственной идентичности, которая не находит своей реализации в глобализованном мире с его гиперреальностью симулякров.

Ключевые слова: *Я, Другой, самость, диалог, первичная встреча, симулякр, гиперреальность.*

Роман польского писателя – фантаста Станислава Лема был написан более полувека назад – в 1961 г., и уже давно стал подлинной классикой этого жанра. Он переведён на многие языки и выдержал несколько экранизаций. В нашей стране пользуется известностью фильм, автором сценария которого является выдающийся кинорежиссёр Андрей Тарковский [5]. Кроме того, существует американская киноверсия романа, снятая Стивеном Содербергом. Примечательно, что ни одно из кинопрочтений произведения не понравилось автору. Впрочем, Лем признавался, что вряд ли кому-нибудь когда-нибудь удастся точно и целиком перенести его книгу на экран, результаты такой попытки были бы понятны лишь узкой группе зрителей. Видимо, замысел писателя так до конца и не был понят читателями, даже самыми вдумчивыми и проницательными. А быть может, в том и состоит очарование подлинно художественного произведения, что его нельзя полностью истолковать? В своих воспоминаниях Лем отмечал, что сам часто ощущал себя в роли читателя собственного произведения и ему самому порой не было известно дальнейшее развитие событий. До сих пор роман вызывает интерес не только деятелей искусства, но и учёных-исследователей разных направлений. Наряду с фантастической соляристикой Лема появилась реальная «соляристика» вокруг толкования текста его произведения. Американские исследователи М. Джордан и Д. Халадин в статье «Симуляция, симулякр и Солярис» прослеживают проблематику симуляции бытия в романе и кинематографе сквозь призму теории симулякров Ж. Бодрийера. Авторы приходят к важному выводу о том, что «сама возможность существования бытия, идентичного человеческому, ставит под сомнение идею об уникальности и первоначальности человеческой

жизни» [9]. В нашей стране роман Лема также оказался предметом филологического исследования А.С. Темляковой «Солярис: Роман и фильм. Пространство диалога» [8]. В работе приведён анализ подходов к трактовке романа С. Лема авторов его экранизаций. Опираясь на разработку упомянутых выше М. Джордан и Д. Халадин, А. Темлякова рассматривает проблему подлинности человеческого бытия в контексте философии диалога. Автор полагает, что «экранизация романа расширяет пространство диалога, акцентирует внимание на определённых темах романа – визуализирует их, делает видимыми, расширяет их присутствие в ткани повествования как по времени, так и по глубине смысловой нагрузки» [8, с. 226]. Думается, однако, что предложенная в этих статьях трактовка не является единственно возможной. Попробуем и мы в меру сил разобраться в данном вопросе, осуществив опыт философского, а точнее, феноменологического его прочтения с точки зрения проблематики Другого. В центре нашего внимания – феномен встречи с иным. Иным разумом, иными мирами. Сюжет произведения достаточно хорошо известен. Главный герой романа Крис Кельвин прибывает на станцию «Солярис», на которой сложилась внештатная ситуация: к её обитателям стали являться «гости» – своеобразные посланники разумной планеты Солярис, с которой уже давно и безуспешно пытается установить контакт человечество. Первый человек, встретивший Кельвина, Снаут, совершенно деморализован, приняв прибывшего психолога за одного из «гостей», он не сразу приходит в себя, но постепенно вводит визитёра в курс происходящего. Жизнь Снаута и второго обитателя станции Сарториуса замкнута стенами их жилища, где они держат осаду от посланцев Соляриса, представляющих собой всего лишь, по выражению Снаута, «икс миллиардов частиц изоморфной плазмы» [1, с. 74]. Сарториус предпочитает общаться со своими коллегами через дверь. Так неожиданно в фантастическом ключе преломляется в романе Лема тема затворничества человека в современном мире, которая нашла своё отражение, например, в пьесе Ж.-П. Сартра «За закрытой дверью». Именно в этом произведении звучит ставшее крылатым выражение: «Ад – это другие». В ад превращается и жизнь обитателей станции. Долгожданный «контакт» с инопланетным разумом происходит в тот момент, когда экспериментаторы направили на станцию рентгеновские лучи. После этого океан ответил им каким-то другим, неизвестным землянам излучением: «...может быть, прозондировал... мозги и извлёк из них какие-то изолированные островки психики» [там же]. Это позволило материализоваться фантомам людей, которых уже не было в живых, но которые в своё время сыграли очень важную и, возможно, роковую роль в судьбе обитателей станции. В результате получились «суперкопии», состоящие из нейтрино, более точные, чем их оригиналы. Эти копии явно напоминают современные цифровые голограммы, позволяющие получать изображения высокой точности и даже осуществлять с ними своеобразный бестелесный контакт. Так что фантазия Лема совсем не так далека от реальности, которая у современного человека всё больше раздваивается, поскольку он погружён в виртуальный мир Интернета с его симуляцией общения и самой реальности. К тому же человек, ушедший из

жизни, продолжает жить в памяти близких, «воссоздающих» в своём воображении дорогой образ. Подобные примеры есть и в художественной литературе. В шекспировской трагедии «Гамлет» тень отца заставляет главного героя перейти от намерений к действиям. Вспомним, как говорит Чичикову о своих умерших крестьянах Собакевич. Он рассказывает о них как о живых. И они действительно будут живы, пока жива память об истинных умельцах: каретнике Михееве, делавшем прекрасные рессорные брички, плотнике Степане Пробке, кирпичнике Милушкине.

Итак, контакт с внеземным интеллектом оказался совсем не таким, о каком мечтали земляне. Но нужен ли он был им вообще? С точки зрения Снаута, человечеству нужно зеркало. Он убежден, что обитатели Земли вовсе не стремятся «завоевывать космос», они хотят «только расширить Землю до его границ» [1, с. 73]. Образ зеркала достаточно распространён в философии XX в. Его можно обнаружить, например, в структурном психоанализе Ж. Лакана, французского психолога, и феноменологии французского философа М. Мерло-Понти. В концепции психоанализа Лакана своеобразно преломляется тема фрейдовского нарциссизма. На 6-8-м месяце жизни ребёнок начинает узнавать свой образ в зеркале. Отображение самого себя в зеркале именуется у Лакана «имаго». Другой, как зеркальный образ, представляется ему как «лучшая часть меня самого» и является реальной угрозой «Я» [2, с. 525]. М. Мерло-Понти видит в этом феномене признак расщепления, «которое уже имеет место при прикосновении <...> и которое вместе с зеркалом (Нарцисс) является всего лишь более глубоким примыканием к себе» [там же, с. 335]. Видимо, не случайно образ «зеркальной комнаты» присутствовал и в эпизоде, не вошедшем в окончательный вариант фильма Тарковского. Вот какова была реакция на этот эпизод современников: «Совершенно потрясающая сцена! Голова у зрителя кружится от медленного неостановимого движения камеры и внезапных появлений героини там, где ее не должно быть, потому что она только что была в другом месте. Шесть двойников Хари и молодая Мать Криса, седьмой ее двойник, при непрерывном движении камеры, выходят из кадра и появляются в кадре с другой стороны, перевоплощаются друг в друга» [6, с. 82–83.] Контакт с инопланетным разумом оказался тяжёлым испытанием для всех обитателей станции. Крис встречается с двойником своей жены, чьей смерти он был виною. Его чувства к ней (или скорее к её образу) претерпевают неожиданную метаморфозу. Поначалу он любой ценой пытается от неё избавиться, но постепенно привязывается к ней всё сильнее, и наконец, сама мысль о расставании с ней становится для него невыносимой. Меняются и оба его товарища. Постепенно освобождается от официозной и высокомерной манеры держаться Сарториус, а кибернетик Снаут выходит из охватившей его затяжной депрессии. Парадоксальным образом, благодаря «жестоким чудесам» Соляриса, вочеловечиваются не только «гости», но и сами участники эксперимента. Крис, который имел возможность улететь, пережив сильнейшее душевное потрясение, всё же решает остаться на станции. Вероятно, его диалог с разумной планетой ещё не окончен. Что же таит в себе непостижимый феномен Соляриса? Почему он притягивает

к себе всё новые поколения читателей? Символизирует ли он космический разум или микрокосм человеческой души с её потаёнными уголками? Богатый материал для размышления даёт философия космизма, в которой сознание выступает в качестве космического явления. В философии космизма жизнь представлена единой оболочкой – биосферой, которая силой человеческого разума постепенно превращается в ноосферу, её разумную оболочку, «человечество, взятое вместе» [3, с. 309]. По словам В.И. Вернадского, «в ней [ноосфере] впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни...» [там же]. Однако ощущение себя центром галактики, Вселенной, Космоса не сделало человека счастливее. Даже наоборот, он ещё острее переживает свою хрупкость, своё одиночество и с тоской вглядывается в звёздную даль неба в поисках инопланетных братьев по разуму. Но начиналось-то всё на Земле среди себе подобных, близких, к которым он забыл свою дорогу. «Мы в глупом положении человека, рвущегося к цели, которая ему не нужна. Человеку нужен человек!» – говорит Снаут Крису [1, с. 91].

О феномене «первичной встречи» человека с человеком, с Другим, мы находим упоминание в «феноменологии говорения» Мерло-Понти, в этой встрече осуществляется «первичное открытие мира». Бытие человека – это «общающееся бытие». По свидетельству исследователя творчества М. Мерло-Понти И.С. Вдовиной, «первичное восприятие, в глазах Мерло-Понти, служит основанием человеческой культуры только в той мере, в какой оно принадлежит одновременно нескольким субъектам, возникает на пересечении интенций, исходящих из различных точек зрения и имеющих не совпадающие друг с другом перспективы» [4, с. 64]. Подлинная встреча «Я и «Другого», по Мерло-Понти, осуществляется в живом опыте восприятия, в практике, в слове. «Я и Другой – это как бы две почти концентрические окружности, отличающиеся друг от друга едва заметным таинственным смещением» [2, с. 186]. В концепции структурного психоанализа Жака Лакана первичный Другой укоренён в бессознательном и предшествует становлению субъективности. По мнению Лакана, ребёнок вынашивается в «купели языка», купели означающих. Именно в неё погружается новорождённый, который позднее субъективирует эту купель на новый лад. Итак, сознание отдельного человека тоже представляет собой микрокосм, загадка возникновения которого по-прежнему далека от разрешения. Разработкой этой проблемы занимаются как зарубежные учёные, так и российские. Ту же задачу решает в своём романе Лем. Среди исследований последнего времени вызывает интерес концепция «диалогического Я» голландского психолога Г. Херманса. В структуре «Я» психолог выделяет множество «Я-позиций» («голосов»), представляющих собой участников тех или иных социальных отношений, в которые вовлечена личность [10]. Эти позиции выражают различные части сознания личности, порождая соответствующие ей воспоминания или истории (нарративы). Данная модель, которую можно назвать полифонической, позволяет человеку существовать во множестве миров, причём для каждого мира характерен свой «голос». Голоса

могут вступать в диалог между собой. Таким образом, «Я» может перемещаться в «пространстве самости», отождествляя себя с различными позициями. Получается, что каждый человек, с которым мы вступаем в общение в течение жизни, оставляет свой след в нашем сознании. Контакт между жизненными мирами взаимодействующих людей осуществляется в зоне на пересечении их «кругов» общения, это пространство «между» можно назвать полем диалога, причём медиатором этого общения является их телесность. Именно обретая телесность, «воплотившись», двойник Хари обретает способность воздействовать на сознание своего возлюбленного. Таким образом, роман С. Лема также является, на наш взгляд, ещё одной попыткой решить проблему Другого, к которой неоднократно обращались такие философы, как М. Бубер, Э. Гуссерль, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр. Проблему Другого М. Мерло-Понти, по его собственному признанию, решает, исходя не из разумности, а из телесности. Тело человека представляется своеобразной «точкой сборки», объединяющей человека и мир. «Феноменологическое тело» является субъектом восприятия, оно некий центр, в котором сходятся как чувственные данные, так и метафизические смыслы. Воспринимая Другого как определённую систему ощущений, психолог (Крис) смотрит на своё тело глазами Другого, а тело Другого вначале воспринимает как машину, лишённую внутреннего мира. Научный взгляд на природу Другого ведёт к уничтожению его своеобразия, а также целостности самого себя. Так, обитатели станции вначале отказывают в человечности пришельцам, затем теряют и собственную целостность.

Отказ от Другого, от общения с ним, стремление обрести себя лишь в себе Самом, восприятие Другого в качестве объекта в конце концов приводит к отчуждению и заводит всех участников драмы в тупик. Так произошло и с Крисом Кельвином. Подобная «недостаточность» Другого заложена в самой изначальной телесной организации индивида. Присутствие «гостыи» на станции хоть на время заполнило эту «недостаточность», что позволило Крису вновь обрести свою цельность и помочь остальным найти выход из тупиковой ситуации. Противоположный сценарий отторжения Другого мы находим в романе «Путешествие космической гончей» американского писателя-фантаста ван Вогты. Герой же фильма «Чужой» (режиссёр Ридли Скотт), созданного по мотивам этого произведения, воплощает в себе тёмные стороны человеческой природы: низменные инстинкты, жестокость, алчность. Эта двуногая прямоходящая особь, способная стремительно перемещаться, прыгать, плавать, незаметно паразитирует на различных биологических видах. Длинный хвост Чужого часто используется в качестве кнута. В данном случае речь, видимо, идёт о схватке не столько с инопланетным существом, сколько со своей тенью. Что ж, на собственное отражение пенять не стоит. К тому же в эпоху трансгуманизма, с его проектами геной инженерии и загрузки и перезагрузки сознания, как никогда велик риск потерять собственное лицо, утратить человеческий облик и даже не заметить этого. Вот почему фантастические произведения, как и антиутопии, могут оказаться неплохим противовесом от нашей забывчивости

о самих себе, о своей совести. Вглядываясь в причудливые узоры, возникающие на поверхности таинственной планеты, наблюдая за игрой «симметриад», «асимметриад» и «мимоидов», мы напряжённо ищем... и находим своё собственно отражение. Как здесь не вспомнить мудрые слова У. Теккерея: «Мир – это зеркало, и он возвращает каждому его собственное изображение. Нахмурьтесь – и он, в свою очередь, кисло взглянет на вас; засмейтесь ему и вместе с ним – и он станет вашим веселым, милым товарищем» [7, с. 14].

Список литературы

1. Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый / пер. с польского. М.: АСТ, 2015. 605 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Наука; Ювента, 1999. 608 с.
3. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
4. Вдовина И.С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 1997. С. 59–69.
5. Сальвестрони С. Фильмы А. Тарковского и русская духовная культура / пер. с ит. М.: Изд. ББИ, 2012. 237 с.
6. Суркова О.Е. С Тарковским и о Тарковском. М.: Радуга, 2005. 464 с.
7. Теккерей У. Ярмарка тщеславия. М.: ЭКСМО, 2010. 928 с.
8. Темлякова А.С. Солярис: роман и фильм. Пространство диалога // Урал. филол. вестн. 2013. № 2. С. 215–226.
9. Jordan M., Haladyn J.J. Simulation, Simulacra and Solaris. Film Philosophy. URL: <http://www.film-philosophy.com/index.php/fp/article/view/225/180>
10. Hermans H.J.M. The Dialogical Self Toward a Theory of Personal and Cultural Possitioniry // Culture and Psychology. 2001. V. 7 (3). P. 243–281.

THE FANTASTIC WORLD OF «SOLARIS»: SEARCH FOR THE AUTHENTIC YOURSELF AND THE OTHERS

G.M. Kirillov

Penza State University, Penza

In this article, the attempt of philosophical reading of the S. Lem's novel «Solaris» is made. The emphasis is made on the phenomenological approach to the analysis of its content in the perspective of the Other problem. The author focuses his attention on the phenomenon of the meeting with the «Other» (mind and worlds). Various interpretations of intersubjective interaction between the «Self» and the «Other», including speech phenomenology of M. Merleau-Ponty and J. Lacan's structural psychoanalysis, are discussed in

the article's format. In this context, the search for contacts with other extraterrestrial civilizations, and its reflection in the literary genre of science fiction, like in S. Lem's novel, can be considered as an attempt to compensate for the selfidentity search «failure» that is hardly reached in the globalized world with its simulacrum hyper-reality.

Key words: *the Self, the Other, dialogue, the initial meeting, simulacra, hyper-reality.*

Об авторе:

КИРИЛЛОВ Герман Михайлович – доцент кафедры философии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза. E-mail: gekir10@mail.ru.

Author information:

KIRILLOV German Michailovich – Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Social Communications, Penza State University, Penza. E-mail: gekir10@mail.ru.